

Псковский регионологический журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 (38) Том . 2019

Географический анализ динамики русского населения в республиках Прибалтики, Белоруссии, Украине и Молдавии во второй половине XX в.

Манаков Андрей Геннадьевич

*Профессор, Псковский государственный университет
Российская Федерация, Псков*

Аннотация

В постсоветское время с каждым годом нарастает актуальность изучения русского населения, проживающего в бывших союзных республиках. Целью данного исследования является выявление закономерностей в геодинاميке русского населения бывших западных союзных республик, а ныне европейских стран Ближнего зарубежья, в позднесоветское и раннее постсоветское время (1960–1990-е гг.). Для этого был проведён статистико-картографический анализ на уровне регионов этих стран, опирающийся на диахронический метод. Этот метод широко используется в исторической географии и предполагает рассмотрение изменений, произошедших за определённый интервал между «временными срезами», в данном случае, между годами проведения переписей населения. В пределах всего интервала историко-географического анализа выделено два периода: 1) между советскими переписями 1959 и 1989 гг.; 2) между последней советской переписью 1989 г. и первыми переписями независимых государств, которые проводились с 1999 по 2004 гг. Рассмотрена геодинاميка русского населения по двум данным периодам. Исследование оперирует также понятиями культурной географии, в частности, разработанных в теории геотнoкультурных систем. Так, проведённый анализ позволил выделить и географически локализовать ключевые компоненты территориальной структуры Русской геотнoкультурной системы в пределах всего региона исследования.

Ключевые слова: перепись населения, доля русских, Русская геотнoкультурная система, позднесоветский период, раннее постсоветское время

Дата публикации: 28.06.2019

Ссылка для цитирования:

Манаков А. Г. Географический анализ динамики русского населения в республиках Прибалтики, Белоруссии, Украине и Молдавии во второй половине XX в. // Псковский регионологический журнал – 2019. – Выпуск 2 (38) С. 3-14 [Электронный ресурс]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310012053-1-1> (дата обращения: 04.07.2024). DOI: 10.37490/S221979310012053-1

¹ **Введение.** Изучению динамики русского населения в европейских странах СНГ и Балтии посвящено достаточно много публикаций, что вызвано актуальностью данной тематики на постсоветском пространстве. Если в советское время наблюдался рост численности и доли русских во всех западных республиках СССР, то в постсоветский период геодинамика русского населения сменилась на прямо противоположную. При этом современные работы, включающие сюжеты по динамике численности и доли русских, рассматривают не только изменение национального состава населения стран СНГ и Балтии, но и этнодемографические проблемы, связанные с естественной убылью и миграциями населения. Целый пласт работ посвящён проблемам билингвизма и этнической самоидентификации населения, использования русского языка в быту и признания его в качестве родного языка. То есть данная тематика приобретает комплексный, междисциплинарный характер. Тем важнее определить место собственно географического (или историко-географического) анализа в исследовании данной проблематики.

² **Целью** статьи является выявление закономерностей в геодинамике русского населения во второй половине XX в. (точнее, с 1959 по 1999/2004 гг. в соответствии с годами проведения переписей населения) в бывших советских республиках, а ныне европейских странах Ближнего зарубежья.

³ **Изученность проблемы и понятийный аппарат исследования.** В постсоветское время появилось много работ, посвящённых изучению современных этнических процессов, происходящих в Республике Беларусь ([3; 13; 31] и др.) и Украине ([1; 2; 9–11; 15; 16; 23; 25; 28; 29] и др.). Имеются также публикации, анализирующие этническую структуру населения Молдовы и Приднестровья [14; 26] и социально-демографические трансформации русского населения в постсоветское время [24]. Этнические процессы в странах Балтии (Эстонии, Латвии и Литве) обычно рассматриваются в тесной связи с демографической проблематикой, прежде всего, по причине значительного миграционного оттока населения из них в постсоветское время ([12; 30] и др.). Геодинамика национального состава населения Эстонии и Латвии, в т. ч. в позднесоветский и постсоветский периоды, была детально изучена в наших работах [21; 22].

⁴ Но отметим, что фактически не встречается работ, где рассмотрена геодинамика русского населения одновременно во всех странах Ближнего зарубежья. Это связано, в первую очередь, с разными годами проведения переписей населения на постсоветском пространстве, а также с разным ходом этнических процессов в этих странах. Но, тем не менее, имеется нужда в таких

обобщающих исследованиях. В частности, следует отметить работу, где рассмотрен миграционный потенциал русскоязычного населения, а также функционирование русского языка в государствах, входящих в СНГ [17]. Однако, ракурс обозначенного исследования не требует подробного географического анализа, что и предопределяет новизну представленного в данной статье статистико-картографического анализа.

5 Результаты данного анализа интересны не только с позиции этнодемографии и этнической географии, но также с точки зрения культурной географии. В отечественной культурной географии для анализа этнокультурных процессов, происходящих на постсоветском пространстве, наиболее подходящей является теория геоэтнокультурных систем (ГЭКС), разработанная С. Я. Сушим и А. Г. Дружининым [27]. Они предложили рассматривать такие элементы ГЭКС, как: 1) ядро; 2) регионы; 3) этноконттактные зоны; 4) социокультурные поля (т. е. поля непосредственного воздействия одной ГЭКС на другую), 5) геокультурные поля, 6) геополитические поля. Одной из ГЭКС является Русская геоэтнокультурная система, внешние границы которой простираются далеко за пределы современной России. И, если в современных границах России укладываются два первых элемента ГЭКС (и частично третий), то, например, социокультурное поле Русской геоэтнокультурной системы охватывает как раз бывшие союзные республики, а ныне независимые государства Ближнего зарубежья. Можно принять, что геокультурное и геополитическое поля Русской геоэтнокультурной системы распространяются за пределы бывшего СССР, и потому не рассматриваются в пределах исследуемой нами территории.

6 Нами предложены следующие компоненты территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы, а также их количественные критерии, как раз завязанные преимущественно на долю русского населения в пределах определённых территорий (табл.).

7 *Таблица* Компоненты территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы

	Мегаядро	Полиэтническая периферия	Социокультурное поле (непосредственное этнокультурное воздействие)				в т. ч. минимал
				Внутренняя периферия	Внешняя периферия	сильное	
	Ядро	Контактная зона мегаядра	Внутренняя периферия	Внешняя периферия	сильное	слабое	
Доля русского населения	90 % и более	75–90 %	50–75 %	25–50 %	10–25 %	5–10 %	Менее

8 Обозначенные в таблице количественные критерии компонентов территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы были апробированы нами на примере западной (европейской) части Российской империи по итогам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. В данном исследовании предполагается продолжение апробации, но применительно к

другим временным срезам и в условиях принципиально иного отношения к этнической самоидентификации в наше время.

⁹ **Источниковая база и методы исследования.** В качестве источниковой базы исследования выступают результаты переписей населения СССР в 1959 и 1989 гг., размещённые на сайте Demoscope.ru [4–8], а также первых постсоветских переписей населения, проведённых в 1999 г. в Республике Беларусь, в 2000 г. в Эстонии и Латвии, в 2001 г. в Литве и Украине, в 2004 г. в Молдове и Приднестровье, размещённые на сайте pop-stat.mashke.org [32]. Анализ динамики численности и доли русского населения в европейских странах Ближнего зарубежья (бывших союзных республик) проведён по двум интервалам, примерно соответствующим позднесоветскому периоду и раннему постсоветскому времени, ограниченными годами проведения переписей: 1) с 1959 по 1989 гг., 2) с 1989 по 1999/2004 гг.

¹⁰ Изучение динамики численности и доли русского населения проведено нами с помощью диахронического метода, широко используемого в исторической географии. Данный метод предполагает рассмотрение изменений, произошедших за определённый интервал между «временными срезами» (в данном случае, соответствующими годам проведения переписей населения) [18]. С опорой на данный метод нами был проведён статистико-картографический анализ динамики численности и доли русских на уровне областей европейских стран Ближнего зарубежья (бывших западных республик СССР). В некоторых случаях в качестве низовых административных единиц для проведения статистико-картографического анализа использовались административные районы (в последующем уезды, края) и их группы (Ида-Вирумаа в Эстонии и Латгалия в Латвии), отличающиеся наиболее высокой долей русского населения. Также отдельно рассмотрены Приднестровье (в 2004 г.) и столицы республик.

¹¹ Соединение диахронического метода и статистико-картографического анализа было апробировано нами при изучении динамики (за значительные временные интервалы) национального состава населения Эстонии и Латвии (на уровне административных районов/уездов) [21; 22], а также России в современных границах на уровне её регионов (ныне субъектов РФ) [19; 20].

¹² **Результаты исследования.** В период между переписями 1959 г. и 1989 г. численность населения всех западных республик СССР увеличилась с 58,8 до 73,8 млн чел., т. е. в 1,25 раза, при этом численность русских выросла с 9,1 до 15 млн чел., т. е. в 1,65 раза, благодаря чему доля русских в регионе увеличилась почти на 5 % (с 15,4 до 20,3 %). В числе лидеров по росту доли русских были Эстонская и Латвийская ССР (рост доли на 10,3 и 7,4 % соответственно), им заметно уступали Украинская и Белорусская ССР (+5 %), Молдавская ССР (+2,8 %) и Литовская ССР (+0,9 %).

¹³ На рис. 1а представлена доля русского населения по западным союзным республикам, их столицам и областям в соответствии с результатами Всесоюзной переписи населения 1959 г. Если использовать количественные критерии, предложенные для выделения компонентов территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы, то тогда Крым (71,4 % русских) можно было бы

отнести к её внутренней периферии, а Харьковскую, Луганскую, Донецкую (тогда Сталинскую) и Запорожскую области Украинской ССР, а также столицы союзных республик Таллин, Ригу, Вильнюс и Кишинёв — к внешней периферии Русской ГЭКС (с долей русских от 25 до 50 %).

14

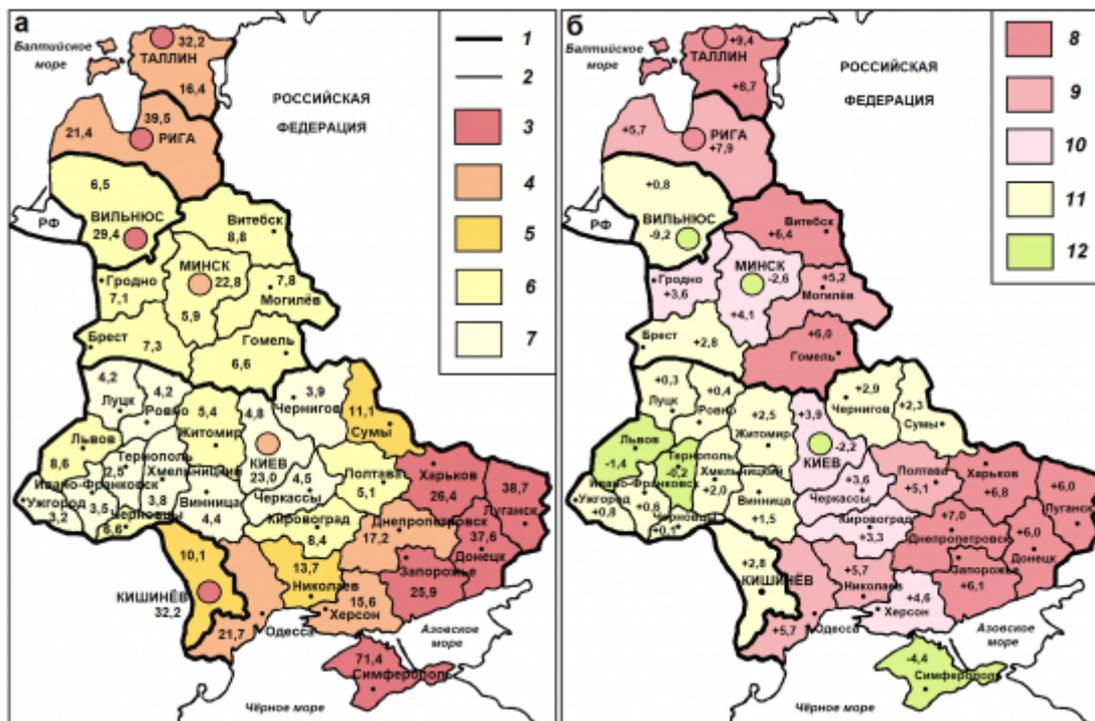

Рис. 1. Доля русского населения по итогам переписи 1959 г. (а) и динамика доли русского населения с 1959 по 1989 гг. (б) (составлено автором по [4–7]) Цифрами обозначены: а) 1 — современные государственные границы; 2 — современные границы областей; доля русских в 1959 г. (в %): 3 — 25,0 и выше; 4 — от 15,0 до 24,9; 5 — от 10,0 до 14,9; 6 — от 5,0 до 9,9; 7 — менее 5,0; б) рост доли русских с 1959 по 1989 г. (в %): 8 — на 6,0 и более; 9 — от 5,0 до 5,9; 10 — от 3,0 до 4,9; 11 — менее 3,0; 12 — уменьшение доли русских.

15 Также, если продолжать пользоваться принятой терминологией, к сильному социокультурному полю Русской геоэтнокультурной системы (доля русских от 10 до 25 %) относились г. Киев, Днепропетровская, Херсонская, Одесская, Николаевская и Сумская области УССР, г. Минск, а также нестоличные территории Эстонской, Латвийской и Молдавской ССР. Все остальные территории, включая нестоличные территории Литовской, Белорусской ССР, значительную часть Украинской ССР, можно рассматривать как находящиеся под слабым социокультурным влиянием Русской ГЭКС (доля русских менее 10 %). При этом это влияние уже тогда было минимальным (с долей русских менее 5 %) на западе и частично в центре Украины.

16 Динамика русского населения в позднесоветский период (между переписями 1959 и 1989 гг.), отражённая на рис. 1б, в значительной степени повторяет сложившуюся к 1959 г. географию русских. Наибольший прирост русского населения (в основном за счёт миграций) наблюдался в Новороссии (без Крыма), Эстонской и Латвийской ССР (включая столицы), а также в восточной части Белорусской ССР. Уменьшение доли русских произошло в Вильнюсе, Минске и Киеве, главным образом, за счёт значительного притока в эти столицы титульного населения республик, обеспечившего быстрый рост их населения. При

этом численность русского населения в них также заметно увеличилась, хотя и росла менее высокими темпами. Аналогичные процессы происходили в Крыму, где доля украинцев росла быстрее, чем русских. Также обращает на себя внимание уменьшение доли русских в Тернопольской и Львовской областях Украины.

17 Между последней советской переписью 1989 г. и первыми постсоветскими переписями 1999–2004 г. в европейских странах Ближнего зарубежья (1999 г. в Республике Беларусь, 2000 г. в Эстонии и Латвии, 2001 г. в Литве и Украине, 2004 г. в Молдове и Приднестровье) численность населения уменьшилась на 6,2 % (до 69,2 млн чел.), численность русских сократилась более чем на четверть (до 11,1 млн чел.), а их доля во всём населении — на 4,2 % (до 16,1 %). Уменьшение доли русского населения почти в равной степени коснулось Украины (-4,7 %), Эстонии (-4,5 %) и Латвии (-4,4 %). Заметно меньшее сокращение доли русских произошло в Молдове (-3,5 %), Литве (-3 %) и Республике Беларусь (-1,9 %).

18 На рис. 2а отражена динамика доли русского населения в 1990-е гг., т. е. между переписью населения 1989 г. и первой постсоветской переписью в европейских странах СНГ и Балтии. Хорошо видно, что наибольшие потери русского населения в этот период пришлись на Новороссию, Латвию, а также на столицы независимых государств, в особенности это касалось Киева и Вильнюса, в меньшей степени — Таллина, Минска и Риги. То есть, в первую очередь, доля русских быстрее сокращалась в наиболее «русских» регионах и столицах. Уменьшение доли русских характеризовало почти всю территорию бывших советских республик, за исключением уезда Ида-Вирумаа в Эстонии, где удельный вес русских (70 %) в это время даже незначительно увеличился за счёт более интенсивного выезда из Ида-Вирумаа нерусского населения (в т. ч. украинцев и белорусов).

19

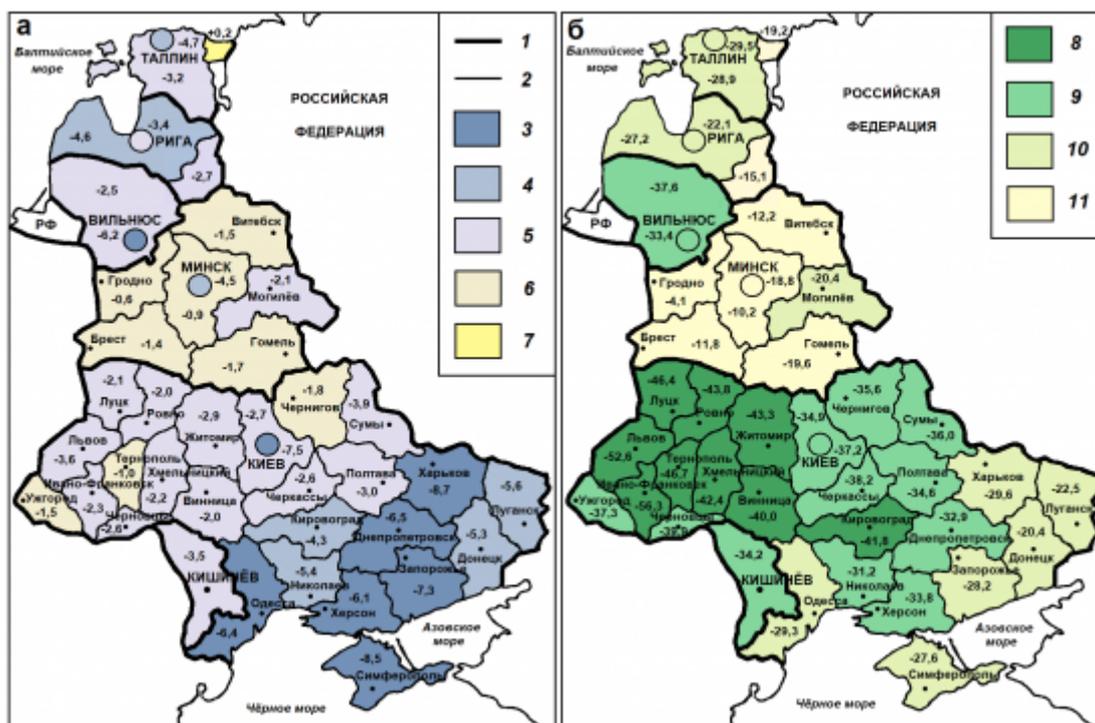

Рис. 2. Динамика доли (а) и численности (б) русского населения с 1989 по 1999/2004 гг.* (составлено автором по [6; 7; 32]) Цифрами обозначены: а) 1 — современные государственные границы; 2 — современные границы областей; уменьшение доли русских

(в %): 3 — на 6,0 и более; 4 — от 4,0 до 5,9; 5 — от 2,0 до 3,9; 6 — менее 2,0; 7 — рост доли русских; б) уменьшение численности русских: 8 — на 40 % и более; 9 — от 30 до 40 %; 10 — от 20 до 30 %; 11 — менее 20 %. *Примечание: в Республике Беларусь перепись населения проводилась в 1999 г., в Эстонии и Латвии — в 2000 г., в Литве и Украине — в 2001 г., в Молдове — в 2004 г.

20 Если уменьшение удельного веса русского населения в значительной степени прямо противоположно географии его роста в позднесоветское время, то динамика численности русских имеет совсем иную географическую картину (рис. 2б). В реалии наиболее интенсивно численность русского населения уменьшалась на западе и в центре Украины, в Молдове и Литве, т. е. на территориях, где в конце советского периода доля русских была наиболее низкой. Причём, если в странах Балтии уменьшение доли и численности русских вполне объяснимо их миграционным оттоком, то в Республике Беларусь и особенно на юго-востоке Украины (Новороссии) резкое уменьшение доли и численности русских не подтверждается сведениями о значительном миграционном оттоке русского населения. Соответственно, у отмеченной динамики имеется совсем иная причина. Перед выявлением этой причины рассмотрим динамику доли русских за весь период исследования (с 1959 по 1999/2004 гг.) и сложившуюся к 1999/2004 г. географию доли русских (рис. 3).

21

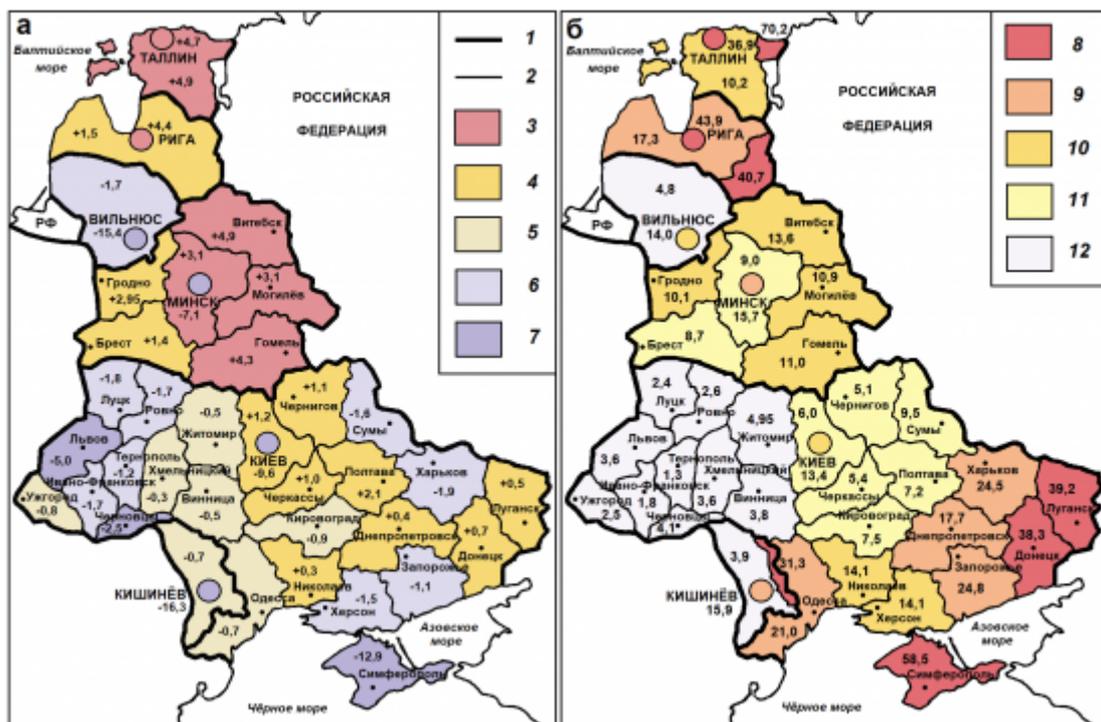

Рис. 3. Динамика доли русского населения с 1959 по 1999/2004 гг. * (а) и доля русского населения в 1999/2004 г. * (б) (составлено автором по [4; 5; 32]) Цифрами обозначены: 1 — современные государственные границы; 2 — современные границы областей; рост доли русских с 1959 по 1999/2004 гг. *: 3 — на 3 % и более; 4 — менее 3 %; уменьшение доли русских: 5 — до 1 %; 6 — от 1 до 2 %; 7 — более 2 %; б) доля русских в 1999/2004 гг. * (в %): 8 — 25,0 и выше; 9 — от 15,0 до 24,9; 10 — от 10,0 до 14,9; 11 — от 5,0 до 9,9; 12 — менее 5,0. *Примечание: в Республике Беларусь перепись населения проводилась в 1999 г., в Эстонии и Латвии — в 2000 г., в Литве и Украине — в 2001 г., в Молдове — в 2004 г.

²² Если оперировать данными переписей 1959 г. и 1999/2004 гг. на исследуемой территории, то окажется, что доля русского населения за этот период увеличилась всего на 0,6 %. При этом, на рис. 3а можно видеть, что заметный прирост доли русских (несмотря на значительный миграционный отток в постсоветский период) пришёлся на Эстонию, Латвию и восточные области Белоруссии. В Литве, Молдавии и большей части Украины произошло заметное уменьшение удельного веса русских. При этом, если следовать терминологии, предложенной выше, в начале XXI в. к внутренней периферии Русской геоэтнокультурной системы (доля русских свыше 50 %) можно было отнести Крым и эстонский уезд Ида-Вирумаа (рис. 3б).

²³ К внешней периферии Русской ГЭКС (доля русских от 25 до 50 %) относились столицы Таллин и Рига, латвийский регион Латгалия, Донецкая и Луганская области Украины, а также Приднестровье. Социокультурное поле с сильным влиянием Русской ГЭКС (доля русских свыше 10 %) распространялось на остальные территории Эстонии и Латвии, большую часть Республики Беларусь, оставшуюся часть Новороссии, столицы Киев и Кишинёв. Минимальная доля русских (менее 5 %) характеризовала западную Украину, а также нестоличные территории Литвы и Молдовы.

²⁴ Тем не менее, значительное падение доли русских на территории Республики Беларусь и Украины, которое нельзя объяснить миграционным оттоком русских, заставляет пересмотреть критерии выделения территориальных структур Русской геоэтнокультурной системы. Уже последняя советская перепись 1989 г. фиксировала в Украинской и Белорусской ССР значительное превышение доли населения, называющего русский язык в качестве родного, над собственно русским населением (на 11 и 19 % соответственно). В то же время в Прибалтийских республиках доля тех, кто называл русский язык в качестве родного, примерно соответствовала суммарной доле русских, украинцев и белорусов. Переписи 1999 г. в Республике Беларусь и 2001 г. в Украине фиксировали родной язык населения (рис. 4а).

²⁵ В целом по европейским странам Ближнего зарубежья доля населения, называющего в качестве родного русский язык, уменьшилась с 1989 по 1999/2004 гг. на 4 % (с 31,5 до 27,5 %). Лидером по данному уменьшению являлась Республика Беларусь (-7,9 %), далее следовали Эстония (-5,8 %), Латвия (-5,3 %), Литва (-3,5 %), Украина (-3,1 %), Молдова (-2,4 %). При этом по абсолютному сокращению количества тех, кто считал русский язык родным, лидировала Литва (свыше трети), где изначально доля этой категории населения была самой низкой среди бывших западных союзных республик.

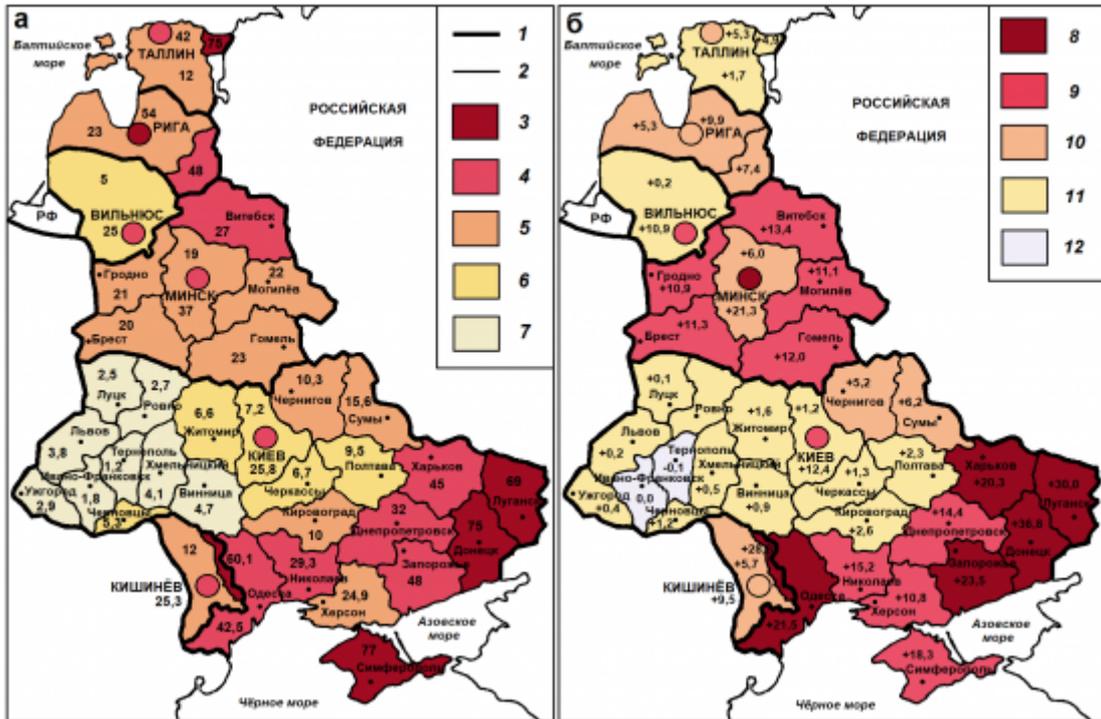

Рис. 4. Доля населения, считающего русский язык в качестве родного, (а) и превышение этой доли над русским населением (б) в 1999/2004 гг.* (составлено автором по [32]) Цифрами обозначены: а) 1 — современные государственные границы; 2 — современные границы областей; доля населения, считающего русский язык в качестве родного в 1999/2004 г.* (в %): 3 — 50,0 и выше; 4 — от 25,0 до 49,9; 5 — от 10,0 до 24,9; 6 — от 5,0 до 9,9; 7 — менее 5,0; б) превышение доли населения, считающего русский язык в качестве родного, над русским населением в 1999/2004 гг.* (в %): 8 — на 20,0 и более; 9 — от 10,0 до 19,9; 10 — от 5,0 до 9,9; 11 — от 0,1 до 4,9; 12 — 0,0 и превышение доли русских над населением, считающих русский язык в качестве родного. *Примечание: в Республике Беларусь перепись населения проводилась в 1999 г., в Эстонии и Латвии — в 2000 г., в Литве и Украине — в 2001 г., в Молдове — в 2004 г.

27 На рис. 4б видно, что превышение в 1999/2004 гг. доли назвавших в качестве родного русский язык, над теми, кто назвали себя русскими, наиболее заметно в Республике Беларусь и особенно в Новороссии. Хотя в Республике Беларусь доля тех, кто в 1999 г. назвал русский язык в качестве родного, по сравнению с 1989 г., снизилась с 32 до 24 %, тем не менее, превышение над удельным весом русского населения составило около 13 %. В Украине в 90-е гг. XX в. доля признающих в качестве родного русский язык уменьшилась с 33 до 30 %, а доля русских — с 22 до 17,5 %, и обозначенное выше превышение в 2001 г. составило 12,5 %, что даже больше, чем в 1989 г. Собственно, именно смена этнической идентичности, произошедшая в постсоветское время в Республике Беларусь и Украине в пользу титульной национальности, и стала главной причиной сокращения численности и доли русского населения. И в Республике Беларусь, и в Украине данному явлению способствовала политика властей с момента объявления о независимости, в результате которой государственная идентичность стала всё чаще подменять этническую самоидентификацию населения, основанную на родном языке.

28 Отметим важный факт, который выходит за пределы временного интервала нашего исследования. Благодаря принятию русского языка в качестве второго

государственного языка Республики Беларусь (в результате референдума 1995 г.), обозначился достаточно интересный процесс, зафиксированный переписью населения 2009 г. А именно, несмотря на формальное сокращение доли русского населения, резко (на 17,5 %) выросла доля тех, кто признал русский язык в качестве родного языка.

²⁹ Проведённый анализ позволяет вернуться к критериям для выделения основных компонентов территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы. На основании результатов исследования можно предложить в качестве основного показателя брать не долю русского населения, а удельный вес населения, считающего родным русский язык, сохранив при этом предложенные количественные параметры. Таким образом, к началу XXI в. в качестве внутренней периферии Русской геоэтнокультурной системы в пределах региона исследования можно отнести следующие территории: уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, г. Ригу, Приднестровье, Луганскую и Донецкую области Украины, а также Крым (который может быть рассмотрен даже и в качестве контактной зоны мегаядра Русской ГЭКС). К внешней периферии Русской ГЭКС можно отнести оставшуюся часть Новороссии, столицы Кишинёв, Киев, Минск и Таллин, а также регион Латгалию в Латвии и Витебскую область Республики Беларусь.

³⁰ В пределах территорий с сильным социокультурным влиянием Русской ГЭКС находились страны Балтии (кроме Литвы), большинство областей Республики Беларусь, Республика Молдова и несколько областей Украины (Черниговская, Сумская и Кировоградская). К территориям с минимальным социокультурным влиянием Русской геоэтнокультурной системы можно отнести фактически всю Западную Украину.

³¹ **Выводы.** В позднесоветское время, а именно в период между переписями 1959 г. и 1989 г., в западных республиках СССР можно было наблюдать значительный рост численности (в 1,65 раза) и доли (почти на 5 %) русского населения. В числе лидеров по росту доли русских были Эстонская и Латвийская ССР (на 10,3 и 7,4 % соответственно). Средний рост доли русских (на 5 %) наблюдался в Украинской и Белорусской ССР, низкий рост доли — в Молдавской и Литовской ССР (на 2,8 и 0,9 % соответственно). При этом география русских в этих республиках в 1960–80-е гг. изменилась незначительно — рост численности и доли русского населения приходился на регионы его повышенной концентрации в конце 1950-х гг. (Эстония, Латвия, Новороссия в Украине), к которым добавилась за прошедшее время восточная часть Белоруссии.

³² Между последней советской переписью 1989 г. и первыми постсоветскими переписями 1999–2004 гг. в европейских странах Ближнего зарубежья численность русских сократилась более чем на четверть, а их доля во всём населении — на 4,2 %. Уменьшение доли русского населения почти в равной степени коснулось Украины, Эстонии и Латвии. При этом на территории Украины чётко обозначилось два региона по динамике русского населения. Юго-восточная часть Украины (Новороссия) испытывала наибольшее падение доли русских, но сохранила их значительную численность. Остальная Украина (особенно её западная часть), имеющая низкую базовую долю русских, характеризовалась резким сокращением их абсолютной численности, в результате чего оказалась среди территорий (вместе

с Литвой) с минимальной долей русского населения во всех европейских странах Ближнего зарубежья. Также небольшое сокращение доли русских произошло в Молдове и Литве, которые уже в конце советского периода характеризовались наиболее низкой долей русского населения.

³³ Но минимальное уменьшение доли русских произошло в Республике Беларусь, хотя там же произошло наиболее значительное сокращение доли населения, называющего русский язык в качестве родного. Тем не менее, именно в Республике Беларусь и Украине (особенно в Новороссии) наблюдалось значительное превышение населения, называющего русский язык в качестве родного, над теми, кто отнёс себя к русским. Таким образом, в постсоветское время здесь произошла смена этнической идентичности части биэтничного населения в пользу титульной национальности, чем и объясняется заметное снижение доли русских, в первую очередь, в Украине.

³⁴ Проведённое исследование позволило уточнить критерии выделения основных компонентов территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы. В дополнение к ранее предложенному критерию (доле русского населения) предложено учитывать удельный вес населения, считающего родным русский язык. На основании предложенной шкалы по делению доли населения, называющего русский язык в качестве родного, обозначены основные компоненты территориальной структуры Русской геоэтнокультурной системы на территории европейских стран Ближнего зарубежья в начале XXI в. Последние включают: контактную зону мегаядра Русской геоэтнокультурной системы (Крым); внутреннюю периферию (уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, г. Рига, Приднестровье, Луганская и Донецкая области Украины); внешнюю периферию (остальные области Новороссии в Украине, столицы Кишинёв, Киев, Минск и Таллин, регион Латгалия в Латвии и Витебская область Республики Беларусь); социокультурное поле с сильным влиянием (Эстония, Латвия, большинство областей Республики Беларусь, Молдова и несколько приграничных с Россией областей Украины); социокультурное поле со слабым влиянием (Литва, западные и центральные области Украины). Особо можно отметить территорию с минимальным социокультурным влиянием Русской геоэтнокультурной системы, к которой относится почти вся Западная Украина.

Библиография:

1. Бирюкова С. Н. Проблемы функционирования русского языка на Украине // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 3. С. 27–31.
2. Борисенко В. К. Етнічний склад населення України // Українська етнологія / За ред. В. К. Борисенко. К.: Либідь, 2007. С. 60–69.
3. Буев А. Л., Буховец О. Г. Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь // Современная Европа. 2018. № 3 (82). С. 71–82.

4. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Городское и сельское население областей республик СССР (кроме РСФСР) по полу и национальности. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_59.php (дата обращения: 20.11.2018).
5. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 20.11.2018).
6. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 20.11.2018).
7. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 20.11.2018).
8. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php (дата обращения: 26.11.2018).
9. Городяненко В. Г. Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 89–96.
10. Джаман В. А., Джаман Я. В., Мручковский П. В. Этническая структура населения Украины и её динамика в период становления государственной независимости // География в школе. 2014. № 8. С. 26–35.
11. Ефимов С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
12. Житин Д. В., Иванова А. А. Демографическое развитие стран Балтии. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 112 с.
13. Касперович Г. И. Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. 2015. С. 107–111.
14. Кривенко А. В., Фоменко В. Г., Бурла М. П. Этнический состав населения ПМР: ретроспективный и перспективный анализ // Вестник Приднестровского университета. Серия: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. 2015. Т. 3. № 3 (51). С. 169–178.

15. Крисаченко В. С. Динаміка населення: популяційні, етнічні та глобальні виміри. К.: НІСД, 2005. 368 с.
16. Лозинський Р. М. Мовна ситуація в Україні (суспільно-географічний погляд). Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2008. 503 с.
17. Максимова С. Г., Шерматова С. Н., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах — участниках Содружества независимых государств // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 3. С. 151–171.
18. Манаков А. Г. Диахронический метод в исторической географии населения (на материалах Северо-Запада России) // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 6. С. 117–125.
19. Манаков А. Г. Русские в этническом пространстве России: региональная динамика с 1897 по 2010 г. // Региональные исследования. 2018. № 1 (59). С. 57–71.
20. Манаков А. Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.
21. Манаков А. Г., Чученкова О. А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии в постсоветский период // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». Выпуск 11. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 86–102.
22. Манаков А. Г., Чученкова О. А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 96 с.
23. Митрофанова И. В., Суций С. Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58.
24. Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации // Социологические исследования. 2011. № 5 (325). С. 61–71.
25. Скляр В. «Поліетнічність» населення України і результати переписів 1989 та 2001 років // Українознавство. 2016. № 1 (58). С. 136–154.
26. Суляк С. Г. Этнос и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов «registru» // Русин. 2013. № 3 (33). С. 94–101.
27. Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.

28. Тархов С. А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвёртые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность (сборник докладов). М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
29. Хмелько В. Е. Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15.
30. Хрущёв С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 91–102.
31. Шимов В. В. Белорусы и проблемы «родного языка» // Современная Европа. 2012. № 1 (49). С. 97–107.
32. [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 26.11.2018).

Geographical analysis of Russian population dynamics in Baltic republics, Belarus, Ukraine and Moldova in the second half of the 20th century

Andrei Manakov

Professor, Pskov State University

Russian Federation, Pskov

Abstract

In post-Soviet time the relevance of the study of Russian population, living in former Soviet republics, has been increasing. The purpose of the study is to reveal the trends in geodynamics of the Russian population in former western Soviet republics, now the European countries of the close abroad, during late Soviet and early post-Soviet time (1960–1990's). For that purpose of the statistical and cartographic analysis of the countries at the regional level, using diachronic approach, has been conducted. That approach is widely used in historical geography and proposes to review the changes happening during the certain period between «time samples», in this context, between the years of population census conduction. Within the whole period of the historical and geographical analysis, the two periods were identified: 1) between the Soviet census of 1959 and 1989; and 2) between the last Soviet census of 1989 and the first ones in the independent states, which took time between 1999 and 2004. Geodynamics of Russian population within these two periods was examined. The research handles concepts of cultural geography, namely the ones developed in the theory of geo-ethnocultural systems. Thus, the conducted analysis allowed to identify and geographically locate the key components of the territorial structure of the Russian geo-ethnocultural system within the limits of the whole area of research.

Keywords: population census, share of Russians, Russian geo-ethnocultural system, late Soviet period, early post-Soviet time

Publication date: 28.06.2019

Citation link:

Manakov A. Geographical analysis of Russian population dynamics in Baltic republics, Belarus, Ukraine and Moldova in the second half of the 20th century // Pskov Journal of Regional Studies – 2019. – Issue 2 (38) C. 3-14 [Electronic resource]. URL: <https://prj.pskgu.ru/S221979310012053-1-1> (circulation date: 04.07.2024). DOI: 10.37490/S221979310012053-1